

«Севернее Рая»

Paradise isn't a place.

It's a feeling.

— *L. Boyer*

Пролог Первая легенда

Первая легенда о Петербурге родилась за тысячу лет до его появления. Она гласит о том, что, отправляясь на север, одинокий и всеми покинутый проповедник дошел до реки Невы и увидел северное сияние. С того момента стало считаться, что, когда сияние повторится снова, на том месте возникнет город. И действительно, Северная столица находится чуть дальше, чем простой обыватель мог бы подумать. Эту границу на карте нельзя увидеть глазами, ее можно только почувствовать. Уметь чувствовать нужно и погоду в Петербурге, особенно в первые месяцы лета, когда она меняется так же быстро, как настроение этих непостоянных людей, живущих в нем.

Сегодня лил дождь, причем с самого утра, и никого это совсем не волновало. Девушка примерно семнадцати лет, которая шла по Невскому проспекту, не вписывалась в окружающую обстановку сырости и серости. А серость здесь присутствовала постоянно, затягивала и смешивала каждого с грязью. Девушка эта выглядела так, будто ее насильно вырвали из какой-то древней сказки, забыв только плеснуть красок, отчего бледная кожа буквально светилась на контрасте с темными волосами.

Неожиданно она свернула за угол, за которым тянулась маленькая улочка. Если задуматься, то в былые времена тут вряд ли смогли бы разминуться две самые обычные повозки. С фасадов некоторых домов угрожающе нависали над прохожими головы львов, театральные маски или силуэты прекрасных нимф. За всю историю этой улицы несколько очевидцев могли поклясться, что видели, как львы разевали огромные пасти или как маски, глумливо посматривая по сторонам, подмигивали маленьким детям. Но никто в это, само собой, не верил.

Девушка огляделась по сторонам. Наверное, хотела убедиться, что вокруг, кроме нее, никого нет. Затем вы, если бы прислушались к ее шепоту, могли бы услышать, как она считает двери в доме номер тринадцать. Со стороны казалось, что третья дверь ей как-то по-особенному приглянулась. Она приложила к ней ладонь, и тут же над дверью появился витиеватый навес, который соответствовал внешнему виду любого местного ресторана или кафе. Только на золотой вывеске красивыми буквами было написано: «Трактир Норд».

Потом девушка сделала очень странную вещь: она повернулась к двери спиной и, быстро пробормотав какие-то слова, ударила в нее ногой, отчего та в ту же секунду распахнулась.

Глава 1 Трактир «Норд»

Теплый, приглушенный свет окутал ее с ног до головы. Анна почувствовала, что это существо, Смог, пытается обнять одну из своих. Неожиданно тень свернулась в клуб дыма и, проскользнув прямо вдоль стены, задела край картины, на которой мирно паслось стадо барашков. Народу было совсем немного, и большинство стареньких столиков из красного

дерева, все еще блесевших своей полировкой, оставалось незанятыми. Мягкая музыка ничуть не заглушала разговоров посетителей у самого дальнего стола. Там сидели двое верзил в черных плащах. Один из них, более коренастый и низкий, чем другой, бубнил своим низким басом:

— Совсем эти бродяги распоясались, никакого от них спасу нет! Только сегодня ночью столько наших упырей перевели. А как солнце встало, вишь, довольные ходят. И ничего этим хранителям не делается! Только и говорят, что нарушители мы, душегубы. Да ведь кушать-то всем хочется!

На что второй, надвинув край широкополой шляпы на самый нос, отвечал:

— Ну а что ты думаешь, брат наш никогда в этих краях не приветствовался, пусть гниды эти как хотят, но мы-то знаем, что...

Девушка не успела узнать, чем закончился разговор, потому что за барной стойкой в самом центре зала вдруг послышался шорох. Из проема в стене, завешенного нитями из разного цвета бусин, показалась скрюченная старушонка, которая тащила в руках большущий поднос. Настолько большой, что казалось, будто поднос сейчас перевесит ее и утащит за собой вниз. Но никто даже не шелохнулся, чтобы помочь ей. Высокий и будто нарочито длинный бармен с бледной кожей и черными усами так и продолжал полировать стаканы, а двое за столиком закрыли рты под ее проницательным старческим взглядом. Когда сгорбленная старушка опустила поднос на стол, Анна поспешила отвести излишне любопытный взгляд и сделала несколько шагов к ней, тем самым попав под луч одной из подвесных соляных ламп, источавших слабый свет. Старушка даже не оглянулась, но девушка догадывалась, что она сейчас улыбается своим беззубым ртом.

— Простите, я опоздала, еще не освоилась в сущем мире... То есть я хотела сказать, в городе, — поспешно проговорила Анна.

Так и не оборачиваясь, старушка махнула костлявой рукой. Голос у нее был скрипучим, как несмазанная телега:

— Ох и вымахали вы, госпожа Романова! Поднимайтесь-ка наверх, там вас уже давно ждут.

— Ждет... кто? Трубецкая?

— Идите-идите, нету у меня времени с вами лясы точить. Дел по горло.

Тяжело втянув носом воздух, Анна быстрым шагом направилась к проему в стене, но тут ее опять остановил старушкин шепот, который могла расслышать только она сама:

— И не забывайте оборачиваться у двери полных три раза, деточка. Портите репутацию нашему заведению.

Девушка молча кивнула и, поспешив исчезнуть за мерцающими бисерными нитями, поднялась по винтовой лестнице наверх.

Порог при входе обиженно крикнул, когда Анна переступила через него. В нос тут же ударил резкий хвойный запах. Девушка слегка подтолкнула тяжелую дверь, и та тут же открылась. С потолка свисала громоздкая люстра, увенчанная полукругом из свечей, мирно тлевших здесь уже не первое десятилетие. Огонь в камине приятно потрескивал им в унисон. Анне казалось, что ее сбивчивое дыхание эхом отдается в этих стенах. Девушка обвела взглядом помещение и не увидела ни одной живой души. Медленно сделав еще пару шагов, Анна подошла к дубовому столу и провела пальцем по его шершавой поверхности. На столе стояла шкатулка. За всю свою жизнь Анна не видела более красивой вещи. Шкатулка была полностью испещрена невиданными цветами, драгоценными камнями и узорами, каждая замысловатая деталь которых вызывала восхищение. Она стояла на резных ножках, которые оплетали витиеватые растения, раскинувшиеся по всему изделию... Девушке безумно захотелось потрогать ее и посмотреть, что же там внутри.

— Нравится?

Голос, раздавшийся буквально из ниоткуда, напугал Анну. Да так, что та быстро отдернула руку, не успев прикоснуться к вещице. Над ней возвышалась женщина, возраст

которой было сложно определить. Она была облачена в длинное платье из темно-синей парчи, отороченное черными кружевами, и смотрела на все вокруг будто свысока, источая некую незримую силу или даже мощь. Конечно же, это была Трубецкая.

— Я и не видела, что вы здесь, Ольга Ивановна, — девушка чуть склонила голову в знак приветствия. — Прошу прощения за мою бестактность, просто я еще не встречала вещи, от которой бы шел такой сильный импульс... — выговорила Анна.

— Когда-то она принадлежала одному очень важному человеку, — лукаво произнесла женщина. Теперь на радужках ее малахитовых глаз плясали озорные огоньки. — Слышала, что вы, княжна, любите такого рода безделушки.

Пауза, повисшая в воздухе, длилась всего мгновение.

— Вы говорили с Леоном? — в это время в окно постучали. Трубецкая отдернула шторы и приоткрыла деревянные ставни. К ней на плечо порхнула небольшая птичка с ярко-алым оперением.

— Познакомьтесь, это мой маленький рыцарь. Он всегда рядом. И за вами сегодня следил тоже он. Уверена, вы заметили присутствие этой пташки по дороге сюда, — с улыбкой произнесла Ольга Ивановна, будто бы прислушиваясь к тому, что щебетала ей на ухо птица. — Да, мы встречались с Леонидом. Когда-то. Задолго до того, что произошло, — при этой фразе птица громко чирикнула и вылетела в окно.

— Мне казалось... впрочем, неважно, я совсем не знаю этот город и его обитателей, — Анна осеклась, еще никогда она не ощущала себя настолько растерянной и бессильной. — Ольга Ивановна, если вы действительно друг и приближенный моей семьи, просто скажите, где он? И где Мария? — при упоминании имени сестры все внутри Анны будто бы сжалось.

— Я не знаю, где они сейчас. Но на поиски вашей сестры уже был выдвинут отряд из Братства хранителей. Уверена, что ее скоро обнаружат. А пока... Совет решил, что вам будет лучше находиться под моей защитой. Так безопаснее. Сегодня вы в последний раз будете ночевать дома у хранителя. Слышала, что она выполнила свою работу, когда вытащила вас из того кремешного ада, — с этими словами хозяйка трактира протянула Анне плотно свернутый в трубочку лист бумаги. Пальцы у нее были продолговатые и на них красовалась пара крупных перстней. В тот же момент дверь позади них распахнулась.

— Аудиенция окончена, ваше сиятельство, — в проеме показалась все та же старушонка и поманила Анну костлявым пальцем.

— Но как же... — девушке хотелось получить вразумительный ответ хотя бы на один свой вопрос, но язык будто бы онемел, и она послушно вышла наружу. В полном недоумении Анна оказалась на улице. Вернее сказать, выскочила из трактира как ошпаренная. Все произошло так быстро, ее фактически выставили за дверь! Еще никогда к Анне не относились столь пренебрежительно. Неужели Ольга Ивановна знает про Леона или Марию что-то еще? Тогда почему ничего не говорит? И что это за бумагу Трубецкая ей только что дала?

Княжну так и подмывало отойти куда-нибудь за угол и взглянуть хотя бы глазком, что там написано. Но Анна быстро одернула себя. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь из посетителей трактира заметил, что у нее есть какие-то дела с Ольгой Ивановной. Девушка хотела оставить их общение в тайне, хотя и сама не знала почему. В любом случае ей следовало вести себя как можно осторожнее.

Пока Анна плутала по улицам, пытаясь вспомнить дорогу назад, заметно стемнело. Сумрачное небо пробивалось сквозь толщу задымленных облаков, а бледная луна освещала своим плоским диском не спящий город. Не обращая внимания на лужи, Анна, уже просто подаваясь интуиции, двинулась в сторону Театральной площади, по дороге проскочив несколько однотипных мостов с резными перилами, и села на маршрутку номер два. Примерно через полчаса девушка уже была на месте. Прохладный воздух заставил ее покрепче застегнуть куртку.

Сейчас Анна остановилась у одного из домов типичного спального района. Она поднялась по лестнице на пятый этаж, к квартире хранителя, приютившего ее у себя после посвящения. Быстро нащупав озябшими пальцами железный ключ, Анна открыла дверь. Княжне опять предстояло ночевать в этом чужом доме одной. Правда, совсем одинока девушка, конечно же, не была. Из кухни к ней выбежала, истерично виляя хвостом, лайка черного цвета.

— Что, рада меня видеть? — Анна стянула куртку и повесила ее на высокий крючок, прибитый в коридоре. — Я думала, что Ольга Ивановна расскажет мне, где сейчас находятся Мария или Леон. Но она только сказала, что на поиски сестры отправили хранителей. Как будто это и раньше было непонятно.

— Трубецкая — самая влиятельная женщина в городе, — проговорила лайка, чуть склонив голову набок. — Она знает все.

— Знает, но ничего не говорит.

— Не волнуйтесь, ваше высочество, я уполномочена проследить, чтобы вам не причинили вреда. Ольга Ивановна — член Совета. Если ей поручили позаботиться о вас, то так она и поступит.

— С твоих слов все просто, хранитель. Но время идет, Мария бесследно исчезла, Леон тоже пропал, а я все еще понятия не имею, что мне делать дальше, — потрепав Умку за ухом, Анна прошла в свою комнату и по привычке окинула придирчивым взглядом картину, которую она нарисовала на днях. На картине была изображена Мария, ее сестра-близнец. Она сидела за столиком для пикника у озера, которое находилось близ Меншиковского дворца. Было лето, такое жаркое, как случается в начале июля. На столе стоял букет только что собранных цветов, чайный сервиз и ваза с фруктами. Мария, томно прикрыв глаза, осматривала все это великолепие, скрывая свое лицо от солнца легким зонтиком. Анна вздохнула и накрыла картину белой простыней. Наконец-то она могла скинуть уличную одежду и залезть в теплую кровать. Только сейчас девушка осмелилась зажечь светильник и развернуть бумагу, что дала ей хозяйка трактира «Норд». Это был документ, в котором говорилось, что вместо Леонида Волховского, после достижения совершеннолетия и до заключения Анной брачного союза, опеку над ней берет на себя Ольга Ивановна Трубецкая. В конце свитка стоял ряд подписей шести глав совета, а так же подпись самой Трубецкой. А еще от него удивительно приятно пахло.

Глава 2

Сон о былом

Ночь за ночью Анне снится один и тот же сон. Он навязчиво повторяет события давно минувших дней, но каждый раз девушка чувствует, что она упускает что-то... Что-то очень важное. И именно поэтому княжна вынуждена пересматривать этот сон снова и снова.

Сначала Анне кажется, что она совсем одна и ее тело плавно движется в вечно холодной и непроглядной тьме. Но затем сотни... нет, тысячи маленьких звездочек загораются на небосклоне, и сама Анна сияет, подобно звезде. Этот призрачный звездный свет озаряет ее крохотный мир, в самом сердце которого зияет огромная черная дыра, что потихоньку поглощает все вокруг, притягивая саму Анну к себе.

Меншиковский дворец, прикрытый ворохом снега и возвышающийся над лабиринтом обмерзших веток живой изгороди, был для сестер всем, что они когда-либо видели. Казалось, время за высокой позолоченной оградой остановилось на девятнадцатом столетии и больше не продолжало свой ход.

— А это обязательно? — волосы Анны облепляют снежинки, а ресницы постепенно окрашиваются инеем. Девушка стоит в снегу, увязнув в нем по щиколотку. Княжна так

продрогла, что ее не спасает даже плащ на меховой подкладке, в который она была укутана.

— Разумеется, Анна, — лицо Леона непроницаемо. Кажется, он более холоден, чем вся эта промозглая лесная глушь вокруг, на фоне которой молодой человек кажется черным пятном. — Через полгода вы с Марией станете совершеннолетними, а после посвящения сможете выйти в сущий мир, разве ты не хочешь этого?

— Ну конечно же хочу! Я так давно мечтаю увидеть сущий мир, хоть что-нибудь там, за оградами дворца... — девушка ежится. Среди столетних елей, которым совершенно нет дела до того, что происходит здесь, внизу, княжне было как-то неуютно.

— Тогда поторопись, — Леон смыкает руку в черных кожаных перчатках. Анна готова была поклясться, что услышала их скрип, когда ее наставник сжал пальцы.

А затем она различает тяжелое дыхание, топот, хруст снега и утробное рычание. Княжна уже знает, что это они. Девушка поднимает покрасневшие ладони и напрягается. Руки дрожат, и оттого ей еще труднее держать их вместе. Вдруг она чувствует характерный хлопок и видит, как сквозь треснувшую материю окружающего пространства над ее руками рождается сфера. Эта маленькая, еще не оформившаяся вселенная сияет синим, зеленым, фиолетовым и красным цветом. Она бурлит маленькими звездочками и искрится в руках девушки.

Анна поднимает глаза. Из-за спины Леона, прямо на нее, огибая массивные стволы деревьев, бегут две борзые, оскалившие зубы. Будто они на охоте, а Анне в этой игре остается всего лишь ждать участи жертвы. Сбившееся дыхание, скачок за скачком, они были все ближе и ближе, пока...

— Стойте! — рука Леона взмывает вверх, когда собаки оказываются на одном с ним уровне. Те замирают, как только раздается голос их хозяина. — Подойди, Анна, — приказывает Леон, кивнув княжне. Девушка делает пару шагов вперед и останавливается, подавляя в себе рвотный позыв. У одной из собак сквозь шерсть пробивается вторая голова размером с кулак, а у другой на морде — три пары глаз, что вылупились на Анну своими бегающими зрачками. — Можешь начинать, они тебя не тронут, — спокойно произносит молодой человек.

Девушка тяжело вздыхает и приседает на корточки прямо напротив борзых, что выгибают дугой спины и тихо рычат, но не двигаются с места. Медленно, содрогаясь внутри себя каждой клеточкой тела, она разъединяет ладони, а вместе с ними разделяется и сфера, которая клубится и живет отдельно от всего мира.

В книжках все это выглядит гораздо проще. В книжках ты видишь только деформировавшиеся органы, скрюченные тела и заметки Леона, что выпцвели уже очень давно, но до сих пор пахнут коньяком, что тот когда-то пролил на них. Да, ты различаешь его угловатый почерк в тетрадах, кучу помарок, клякс и перечеркнутых с сотню раз предложений. Ты даже можешь найти вырванные листы из учебников, которые Бог знает где взял твой наставник. Но самое главное, ты воочию не наблюдаешь того, над чем он работал. Все эти банки, склянки с существами, что стояли в кабинете Леона, куда, к слову, сестрам нельзя было заходить, не передавали даже толики того, что сейчас наблюдала княжна собственными глазами. Все знания, записанные в его толстых черных тетрадах о тех, чьего названия Анна даже не знала, вмиг улетучиваются из головы девушки. Остается только желание доказать, что она может это сделать.

То, чем они здесь занимаются с Леоном и Марией — очень опасно. Как для них самих, так и для окружающих. И если сделать что-нибудь неверно, можно с легкостью уничтожить самого себя.

Собравшись с духом, княжна также осторожно, чуть дыша, дотрагивается сначала кончиками пальцев, а затем и самими ладонями до собачьих лап. Девушка чувствует слабое, чуть покалывающее, но приятное ощущение, когда дотягивается до потоков, ведущих к источнику мироздания, что управляет всеми законами вселенной и формирует этот мир. Она открывает глаза, обомлев: уродства и разрывы на телах собак начинают

затягиваться на глазах. Те поскуливают и переминаются с лапы на лапу, будто чувствуют, что внутри их организма что-то происходит, но не могут понять, что. Анна смотрит на свои руки, по венам которых бурлит ее голубая кровь, на испещренные линиями судьбы ладони и не понимает, как это ей настолько быстро удалось сделать то, что так давно ждал от нее Леон. Он множество раз говорил девушке исправить что-нибудь, повлиять на импульсы, но у княжны никогда этого не получалось.

— О Боже! — от восторга Анна закрывает лицо руками, чтобы спрятать слезы, наворачивающиеся на глаза, и смеется. — Ты видел? Ты же видел это, да?!

— Ну что за повод для радости? Веди себя прилично, — молодой человек наклоняется к борзым, осматривая места, где раньше были нарушения регенеративных потоков этих существ. — Неплохо, но это лишь одно задание, что я тебе дал. Все предыдущие ты с треском провалила.

Девушка отрывает руки от лица и обиженно смотрит на наставника:

— За всю мою жизнь ты ни разу не порадовался за меня.

— О, я просто счастлив, что ты усвоила самые азы нашего ремесла до посвящения. Приятно осознавать, что моя ученица не погибнет при первой же опасности в сущем мире, — он устало потирает переносицу, а затем поднимает взгляд на девушку, которая, казалось, вот-вот заплачет. — Ладно, Анна. Ты права. Я действительно должен радоваться вашим достижениям, — он запахивает на себе длинное пальто, скрывающее его высокую фигуру, и жестом приказывает собакам удалиться. Те, словно слыша его мысли, задом пятятся куда-то к чащобе, а затем, развернувшись, переходят на бег. — Просто я хочу, чтобы ты продолжала работать так же усердно, как и сейчас, вот и все.

Не успевает Анна ответить что-нибудь внятное, как ощущает теплое дыхание прямо у себя над ухом. Она резко оборачивается и видит Марию:

— Сюрприз! Что, сестричка, не слышала, как я появилась здесь? — на губах Марии играет восхитительно довольная улыбка. — Я видела, как ты справилась с ними! Молодец! — она притягивает к себе Анну и крепко обнимает ее. — Так и знала, что рано или поздно тебе удастся это сделать, поздравляю!

— Хоть кто-то в меня здесь верит! — Анна подавляет улыбку. — Ну прекрати же, Мария, щекоотно!

— Нет, ни за что! Я так рада, Анна! Сегодня у нас самый счастливый день. Теперь мы с тобой можем расслабиться и просто ждать совершеннолетия. А потом нам позволят выйти в сущий мир.

Анна знает, что Мария на самом деле хочет этим сказать. Ее сестра беспокоилась, что у Анны ничего не получится, и посвящение, которое должно состояться в день их совершеннолетия, придется перенести. Она всегда усваивала информацию гораздо медленнее сестры. Но теперь, когда Анна достигла уровня Марии, их жизнь должна была кардинально измениться. Сейчас Анна чувствовала себя не такой уж бесполезной.

— Мария, прекрати паясничать, — мягкий голос Леона настойчиво разрезает воздух и взмывает клубами пара в небо. Мария отстраняется от сестры, и на мгновение морозные солнечные блики играют на ее белокурых волосах. Леон подходит к ней, поворачивает девушку к себе лицом и заправляет прядь ее выбившихся и чуть заледеневших волос под шапку. Затем он протягивает руки к Анне и застегивает верхние пуговицы на ее меховой накидке.

— Мне посчастливилось обучать вас в течение долгих лет, и теперь я буду рад заявить Совету о том, что вы выросли такими одаренными барышнями, — Леон делает паузу и переводит взор с одной девушки на другую. — И я безмерно горд, что вы стали теми, кем являетесь сейчас.

— Ты говоришь с нами, как с детьми. Но я уже не ребенок и не могу слушаться тебя вечно! Ни тебя, ни Марию! — Анна капризно отталкивает руку наставника и горделиво вздергивает подбородок.

— Это все, что ты хочешь мне сказать?

Княжна фыркает, поднимает подол юбки, намереваясь уйти, и стоически выдерживает на себе насмешливый взгляд молодого человека. Кажется, что через ледяную броню Леона невозможно пробиться. Но если не им, то кому? Анна и ее сестра-близнец Мария выросли в этом дворце, отгороженном мороком от всего остального мира. Леон говорил, что их родители умерли вскоре после рождения дочерей. Он воспитал девушек и был для них всем: и учителем, и другом одновременно. Они втроем навсегда связаны друг с другом, это было очевидно...

Внезапно спазм скручивает все тело Анны, отчего та медленно падает на колени, схватившись рукой за горло. Сдавленный хрип вырывается из гортани несчастной, когда Мария бросается к ней и обхватывает за хрупкие плечи, не давая сестре повалиться в снег.

— Леон, быстрее! У нее снова приступ!

— Отойди... — он уверенно отстраняет Марию и пытается точно таким же отточенным движением отцепить пальцы Анны от ее же горла. И если бы не испуг на лице Леона, то можно было бы подумать, что этот человек абсолютно точно знает, что нужно предпринять. — Анна, прекрати делать это... Анна, ты слышишь меня?

Нет, она не слышит. Боль расплывается, как и все вокруг. Остаться в сознании почти невозможно. Перед взором княжны теперь только размытые черты лица Марии и ее светлого платья, кружащиеся в водовороте сияющих алмазов.

Со слов Леона, самый первый приступ произошел, когда Анне было пять лет. Именно в тот период жизни они с сестрой попали в Меншиковский дворец.

Все вокруг, включая каждого человека, состоит из определенного набора импульсов и божественной материи. Мир существует таким, какой он есть, потому что все его составляющие пребывают в равновесии. Так вот, Леон полагал, что эти приступы происходят с Анной, так как внутри у нее что-то перепутано. Испорчено, работает не так, как нужно. И он не может это изменить. А если Леон не смог, значит, не сумеет никто. Почему так? Потому что всю свою жизнь их наставник посвятил тому, чтобы исправлять сбои, которые время от времени происходят в мире. Такие люди, как Леон, входят в Братство Хранителей. Сестры тоже считали, что похожи на этих людей. Но как же они ошибались...

Веки Анны слабо трепещут, а затем девушка медленно раскрывает затуманенные глаза. Первое, что она видит, это лицо Леона, обрамленное дымкой темных волос. Его ладонь покоится у нее на лбу и источает знакомую прохладу.

— Леон, неужели это снова произошло со мной?

— Сейчас нельзя разговаривать, Анна. Совсем скоро тебе станет гораздо легче, обещаю.

— Анна, ты слишком много нервничаешь. Если опять доведешь себя до такого приступа, то в сущем мире от тебя будет мало толку, — мелодичный голос Марии раздается над Анной. И, услышав его, девушка встрепенулась, как будто только что вынырнула из сна:

— С чего ты вообще взяла, что со мной что-то не так? — она быстро подсакивает на кровати, подбирая под себя пуховое одеяло. — На самом деле, мне уже намного лучше, вот сейчас переоденусь, и мы пойдем играть в снежки во дворе...

— Ты не выйдешь из этой комнаты, пока я не позволю, — голос Леона заставляет вздрогнуть их обеих, но уже в следующую секунду по одному мановению его руки тело Анны будто бы обмякает, и голова девушки снова опускается на шелковые подушки. — Ты упала в обморок не потому, что перенервничала, Анна, а оттого, что использовала свою силу.

Княжна с детства часто болела. И уже давно сбилась со счета, сколько раз за последний год была прикована к постели. Но она всегда знала, что малейшего прикосновения руки Леона уже достаточно, чтобы почувствовать себя почти здоровым

человеком. Его длинные пальцы всегда рассеивали все страхи и бережно наводили порядок в затуманенном рассудке.

— Уверена, когда-нибудь это пройдет, — произносит Мария, поджав губы. — Я сделаю тебе чай, ладно? — обеспокоенно спрашивает княжна и хватает с прикроватного столика маленькую белую чашку, просто чтобы занять себя чем-нибудь. Она поводит над ней рукой, и в ту же секунду чашка наполняется горячей фиолетовой жидкостью, внутри которой вертятся клубы дыма и звездной пыли. Это сияние длится совсем недолго, и, когда оно угасает, внутри остается всего лишь ароматный чайный напиток.

— Спасибо, Мария, — говорит Анна и слегка приподнимается, перенимая чашку из рук сестры. — Но вы не обязаны сидеть у моей кровати весь день, это вовсе ни к чему.

— Но... вдруг, когда ты уснешь, тебе снова приснится какой-нибудь кошмар, — неуверенно произносит Мария. — Может быть, я все же останусь с тобой?

— Мне давно не снятся кошмары, и я прекрасно справляюсь с этим сама, — врет Анна и делает глоток, после которого приятное тепло обволакивает все внутри княжны. — Тем более день еще в самом разгаре. А значит, занятия не окончены. Проведите их до конца, хорошо? — Анна отворачивается лицом к стене, давая понять всем присутствующим, что не нуждается в компании.

— Ну, раз так... — Леон поднимается на ноги и подхватывает Марию под руку. — Запомни, Анна, ты уже действительно не ребенок. Ты должна нести ответственность за свои слова и поступки, — и, не давая вставить Марии ни слова, выводит девушку из комнаты.

Когда Анна остается одна, она, наконец, может отставить чашку и растянуться на мягкой перине в полный рост, а потом сладко потянуться, разминая отекающие конечности. Тонкая ночная рубашка путается в ногах и мешает двигаться. Анна задирает ее до коленей и встает босыми ступнями на холодный пол. Она закутывается в одеяло и подходит к большому окну, которое в разы выше ее самой. Затем садится возле него, опуская подбородок на раму с кое-где потрескавшейся краской.

Анна видит, как во дворе ее сестра с легкостью выполняет любые задания Леона, когда как она сама будет вынуждена провести еще как минимум неделю в этой комнате. Их наставник садится на край фонтана, где еще кое-где журчит вода, и касается ладонью ее поверхности, после чего та замирает в одночасье, покрываясь толстой коркой льда. Мария хлопает в ладоши. Впрочем, только для нее происходящее может показаться развлечением. Она так легко кружится в своем пышном платье, заставляя потоки воздуха и снежинок танцевать вместе с ней, повторяя каждое движение. Кажется, будто девушка не прикладывает никаких усилий для этого. А затем ей стоит только повести рукой, чтобы статуи, что стоят вокруг, буквально за минуту обросли сверкающими, заснеженными сталактитами.

Леон говорил, что их с Марией привезли сюда, чтобы они научились правильно использовать свою силу. И когда во время посвящения сестер признают хранителями Братства и членами Совета, они, наконец, обретут свободу. Анна всегда мечтала увидеть мир. Хоть что-нибудь, помимо привычных стен дворца. И после посвящения она, наконец, сделает это. Они позволят ей, и даже Леон не сможет запретить княжне жить так, как она сама того захочет.

Но девушка слышала, что сущий мир — это большое и пугающее место. И, возможно, поэтому в глубине души ей было немного страшно представить, что она будет делать в нем. А может, Анна переживала из-за того, что после совершеннолетия ее жизнь изменится, ведь они с Марией и Леоном уже не будут постоянно вместе, как раньше.

Анна замечает, как наставник говорит что-то Марии, после чего та кивает, а он, замотав шею длинным шарфом, возвращается ко дворцу.

Но даже сейчас, находясь во сне, Анна не могла избавиться от ощущения того, что она видит все это неспроста. Правда, указать на конкретную причину своего беспокойства девушка была не в силах. Просто это было такое чувство, будто она должна знать что-то,

но не знает. Странно... может, стоит попытаться вспомнить, что она еще делала в тот день? Слегка приподнять мягкую пелену реальности, которую будто бы подправил кто-то извне, чтобы увидеть... Леона? В воспоминаниях Анны этого не было. Неужели ей стерли одно из них?

Сейчас сцена изменилась, и декорации на ней стали совсем иными. Анна наблюдает за происходящим как бы со стороны и видит себя. Она отчетливо вспоминает, что в тот раз решила подглядеть за своим наставником всего лишь одним глазком и спряталась за большой темной шторой, скрывавшей одну из дверей дворца.

А вот и он! Часы глухо пробивают полночь. Леон идет по слабо освещенному коридору, чьи стены в этом крыле круглые сутки погружены во мрак. Он совсем один и, кажется, Леон абсолютно спокоен, несмотря на то, что до слуха молодого человека доносится скрип одной из дверей, медленно отворяющейся прямо перед ним.

— Мне всегда было интересно, почему только тебе доверили воспитывать сестер Романовых? Только тебе одному? Это так не похоже на Совет, — голос доносится прямо оттуда, из темноты. — А ведь юные княжны чрезвычайно сильны, не так ли?

— Я, кажется, просил вас больше не появляться здесь, — отчеканивает Леон, а затем тяжело втягивает ноздрями воздух. — Анна и Мария обладают невероятными талантами, но они еще не готовы к тому, что ждет от них Совет и Братство.

— Готовы они или нет, — из дверного проема выглядывает человек, чье лицо полностью скрыто капюшоном, — ровно через полгода, в это же самое время, наступит совершеннолетие близняшек, — он тянет руку к Леону, и в свете свечи от кисти остается виден только ее скелет, кое-где прикрытый плотью. — Вижу, Леонид, ты совсем не изменился, несмотря на то, что был прекрасным учителем все это время. — Леон не двигается с места, и незнакомец издает гаденький смешок. — Кажется, недостаточно хорошим. Иначе мои воспитанницы не шатались бы ночами по дворцу.

Все вокруг замирает и медленно растворяется в темноте ночи...

Леон что, встречался с кем-то во дворце втайне от них, и девушки даже не догадывались об этом? Что это значит? Анна ведь даже не могла предположить, что кто-то подправил ее память и спрятал оттуда этот фрагмент. В конце концов, какой бы своевольной ни казалась эта девушка, на самом деле она была всего лишь слабым болезненным ребенком.

Глава 3

Алая птишка

Анна почувствовала, как сначала холодный влажный нос тыкнулся в ее щеку, а вслед ему раздался звонкий лай. Девушка протерла глаза и поморщилась, нехотя приподнимаясь на локтях. Умка стояла рядом с ее кроватью и от нетерпения скребла лапами по паркету:

— Ваше высочество, ну сколько можно спать! — сказала она, все еще топчась на месте и издавая при этом еле слышные поскуливания.

— Мне снился сон... такой странный. Послушай, ты всегда так невоспитанно себя ведешь?

— Да, я же собака.

— И то правда, — пожала плечами Анна и небрежно собрала волосы в высокий хвост, перевязав их белой лентой, что лежала на прикроватном столике. Затем поднялась на ноги под скрип пружинистого матраса и накинула на плечи длинный шелковый халат, расшитый серебряными нитями. Честно говоря, девушка понятия не имела, откуда в этой квартире одежда, если здесь живет только собака. Да и вообще, откуда у собаки — дом?

Но сейчас эти вопросы волновали ее куда меньше, чем все те, что всплывали в голове, когда она прокручивала в памяти картинки из своего сна.

— Здесь так холодно, — Анна поежилась и присела на корточки возле небольшого домашнего камина. — Я никогда не занималась этим раньше, но видела, как разжигает огонь Леон. — Она отодвинула решетку, на которой были изображены пугающие мифические создания со змеиными телами и птичьими головами.

— Это очень старый дом, здесь всегда холодно. Но я почти не чувствую разницы, особенно если залезу под мягкий плед.

— Хорошо тебе, — Анна просунула руки внутрь камина, пытаясь нащупать грань настоящего и еще следы огня, некогда горевшего здесь. — Если бы у меня было столько шерсти, я бы тоже не мерзла, — она раздвинула ладонями границы этой реальности и извлекла с той стороны беспокойный клубок пламени.

— Может тогда стоило просто отрастить себе шерсть? Вы же это умеете? — Умка неотрывно следила за тем, как пламя, оставленное на уже давно истлевших дровах, расплзлось по камину, обретая тепло и форму.

— Не уверена, — ответила девушка на оба вопроса и крепко захлопнула решетку. — Аккуратней, убери нос, а то обожжешься. Сейчас этот огонь вполне себе настоящий.

— Не очень-то и хотелось, — лайка удобно устроилась на ковре и зажмурилась от исходящего из камина жара.

— Кто эти люди, изображенные на картинах? Тут все стены завешаны ими. И вот еще парочка стоит у кресла.

— Не знаю, меня мало интересуют люди, которые не могу меня покормить.

— Ты чего-то явно недоговариваешь, — Анна придвинула кресло в грязно-желтую полоску к камину и забралась на него, чтобы достать до каминной верхней полки.

Все вокруг говорят, чтобы она пробыла с Умкой три дня, но разве можно учитывать ее почти бессознательное состояние? Княжна могла насчитать несколько раз, когда она действительно приходила в чувства и разговаривала с лайкой, но этим ее любопытство сложно было удовлетворить.

— Смотрите юбку не спалите. А то придется снова вас спасать.

— Не нуди, — она наклонилась ближе, чтобы рассмотреть каждый циферблат, который отличался от остальных не только по размеру, но и по расположению цифр. — И кому может быть нужно столько часов?

— Часы здесь только одни, ваше высочество. А это приборы для измерения давления в трубах.

— Что такое давление?

— Прошу прощения, но вы задаете слишком много бестолковых вопросов.

— Тебя точно стоит поучить хорошим манерам.

— Я же извинилась!

Анна с легкостью прыгнула с кресла и прошла к стеллажу, заставленному всяческими безделушками. Там была игрушечная деревянная лошадь, небольшая масляная картина с натюрмортом, а на следующей полке лежали какие-то папки и кожаный чемодан.

— У всех в сущем мире хранится так много бесполезного хлама?

— А вы не слишком-то тактичны. Неужели ваши манеры позволяют лазить по чужим вещам, госпожа Романова? — лайка поднялась на ноги и бесцеремонно начала отпихивать своим нагретым бочком Анну, которая только что стала перебирать корешки папок. — Пойдемте скорее, вам нужно позавтракать!

— Ладно-ладно, сдаюсь! Ты просто невозможна.

Громко шлепая босыми ногами, Анна зашла в ванную комнату. Она с трудом повернула вентиль, перекрывавший воду, и тонкая струйка покатила по эмалированной поверхности.

Все здесь было ново для Анны. Ничто не напоминало покои Меншиковского дворца. Вместо хрустальных люстр и витиеватых подсвечников в стене торчала лампочка